

Письма
об
эмиграции
подданных,
в особенности в Россию

Перевод с немецкого
Виктора Дизендорфа

Франкфурт и Лейпциг

1768

Письмо II.
От г-на U** г-ну F**

Я настолько поглощен российскими колонистами, о которых имел честь сообщить Вам недавно, что возьму на себя смелость написать Вам целое письмо, не повествующее ни о чем более, как только об этих несчастных.

Они все дни, которые были очень жаркими, преодолевали долгий и трудный путь. Многим, кроме себя, приходилось заботиться еще о нескольких детях. Тем не менее, едва достигнув городка J**, они пустили в ход все еще оставшиеся силы, чтобы опередить друг друга при закупке продовольствия, поскольку легко могли заметить, что на них всех запасов не хватит.

Опыт научил их этому, и оказалось, что последним пришлось довольствоваться самой плохой пищей, даже черствым хлебом и водой, особенно если они истратили свои дневные деньги еще в обед и тем временем были не в состоянии опередить при покупке других.

Они лежали на постоялом дворе немногим лучше, чем скот в хлевах, отданные на произвол приказаний своих надзирателей, по большей части неразумных и безжалостных, и их прислужников. Естественно, я представлял себе таких людей, как шайку рабов в Алжире.

Одна молодая женщина, выглядевшая довольно чисто, сильно оскорбила пожилого мужчину, который показался мне самым скромным и лучшим среди всей толпы. Он пожаловался комиссару, но ушел ни с чем, поскольку его справедливые жалобы и основания не могли возыметь такого действия, как бесстыжие взгляды нарушительницы, свидетельствовавшие о ее особом взаимопонимании с судьей.

Вместо причитавшегося ему удовлетворения несчастный жалобщик был еще и наказан, не получив жалованья в этот день. С плачем он отошел от пристрастной судейской скамьи, и наглый порок восторжествовал над безвинностью и честностью.

Сами завербованные разделились на группы и мучили друг друга всеми способами, какие только может подсказать озорство или внутреннее недовольство, близкое к отчаянию. Ужасающее состояние!

Если взгляды этих людей были целиком обращены в будущее, то они не видели перед собой ничего, кроме долгой, сопряженной с величайшими угрозами и тяготами поездки в незнакомые страны, где им, покинутым всеми другими людьми, под чужим небом, без жилья, без домашнего инвентаря, без малейших удобств предстоит бороться с бесплодной почвой, с климатом, с грабителями и дикими зверями, что окажется для них тем более трудным, отчасти потому что они при нашем гражданском и общественном порядке с детских лет привыкли к лучшему, отчасти из-за того, что они тем временем должны будут отчаяться избавиться от своего состояния ранее, чем со смертью.

Какая страшная судьба должна была заставить этих людей прибегнуть к такому средству, которое хуже самой смерти?

Письмо III.
От г-на F** г-ну U**

Почти повсеместный опыт свидетельствует, что люди имеют обыкновение быть недовольными своим текущим положением, даже если оно вполне благополучно, а до этого было воплощением всех их пожеланий, что они нередко – отчасти от пресыщения, отчасти из заносчивости – сами лишают себя этого счастливого состояния, не имея даже надежды на его улучшение.

Кто бы поэтому осудил российских колонистов, предпринимающих нечто такое, что совершают в подобных случаях и люди с более зрелым критическим мышлением? Но эти новые поселенцы к тому же преимущественно являются людьми, которым нечего или очень мало что есть терять, а потому рискующими этим, дабы сделать более благоприятным свое положение, хуже которого – по крайней мере, с позиций их нынешнего образа мыслей – не бывает.

Колонисты рискуют гораздо меньше (прочих). Все бедствия, которые Вы, мой господин, описали в своем письме и, возможно, преподнесли в слишком ярких красках, будут вскоре преодолены. Поездка и связанные с ней неудобства столь же мало долговечны, как несправедливая тирания надсмотрщиков, и разве в государствах, устроенных наилучшим образом, порок зачастую не торжествует над правом и честностью? Не пожелай мы испытать нечто подобное, нам бы пришлось уйти из мира или переплавить людей.

И без того большие надежды колонистов подкрепляются примерами успешно заложенных колоний. Положение зальцбургцев в Эбенэзере более благополучно, чем у их земляков в Германии. Разумный англичанин из американских колоний не будет тосковать по своему отечеству.

Подытожьте-ка, мой господин, эти обстоятельства. Эти новые колонисты теряют мало или ничего. Их положение нельзя ухудшить, эти люди совершенно недовольны современным состоянием, а будущее открывает только приятные перспективы.

К этому добавляются обещания, радужные представления и наличные деньги вербовщиков, и такого рода люди, если они поддаются этим приманкам, весомым из-за наличных денег, достойны осуждения в меньшей мере, чем разумные мужи, верящие пустым мистификациям шарлатанов. Зачастую пример, окружение, а также, вероятно, любопытство и тысячи других обстоятельств побуждают людей предпринимать нечто, в чем они видят только лишь благо и отчего не предвидят вреда.

Письмо IV.
От г-на U** г-ну F**

Ранее я изобразил этих колонистов, пока они находятся в пути, как шайку алжирских рабов, а положение, в котором они окажутся, когда придут в назначенное место, я представляю себе так, как описывают одиноких Робинзонов на их островах.

Поставьте, мой господин, на место обломков и продуктов питания, спасенных с затонувшего корабля, скудные запасы, которые эти несчастные получают для обзаведения, на место Карибов и каннибалов – орды казаков и калмыков, на место необжитого

острова, где можно к тому же выбрать место для поселения, – выделенные колонистам обширные угодья, которые им придется обрабатывать, будет ли земля пригодной или нет, и сравнение окажется полным.

Примеры благополучных колоний, если рассмотреть дело при свете дня, также не могут особо воодушевить. Бравые зальцбургцы не были вольны остаться в своем отечестве, не отрекшись от самого ценного для них – их религии, иначе они бы, очевидно, остались там. У них не оставалось выбора – делать ли песчаные пустоши и леса Джорджии плодородными или нет, иначе они бы наверняка никогда не отправились туда. Далее, утешение в их сердцах оттого, что они переносят все несчастья по воле Божьей, должно было необычайно поддерживать их в самых сильных горестях. Более того: эти люди были из одной местности, всех объединяли одно побуждение, одна конечная цель, одни и те же привычки и образ жизни. К тому же в большинстве своем они состояли в родстве друг с другом, долгое время были соседями или знакомыми. И, невзирая на все это, если эти колонисты как раз сейчас находятся в сносном состоянии, то ведь поначалу они были достаточно жалкими и, без мощной поддержки многих милосердных доброжелателей, оказались бы в крайней нужде, как вне всяких сомнений очень точно указывают поступившие оттуда сообщения. Очень немногие, после несказанных усилий, горестей, бедствий и опасностей, дожили до того, что их состояние таково, каким стало бы в благоустроенном государстве состояние приличного крестьянина при обычном труде.

Английские колонии в Америке, где уже так долго все совершенно обустроено и между их и нашими городами и землями нет отличий, вообще не могут быть здесь предметом для сравнения.

Однако эти российские колонисты, согласно Вашему мнению, мой господин, имеют полную возможность остаться в своем благоустроенном отечестве. Сколь бы лестно человек ни представлял себе будущее, но обычно, а у такого сорта людей всегда, впечатление сиюминутного несчастья и представление о гнетущем зле одерживают верх над представлением о будущем благополучии (которого эти колонисты и без того не могут обещать себе с достаточным основанием) и это, напротив, окажет тем более печальное воздействие, если они увидят, что повинны в своем несчастье исключительно сами.

Все неудобства и несчастья, упомянутые в моем предыдущем письме, конечно, влияют на колонистов и явятся для них тем более сильными ударами, поскольку здесь смешаны многие земляки из всех земель, не объединенные ни единой религией, ни конечной целью, ни привычками, образом жизни или родством, и я сказал не что иное, как чистую правду, когда ранее сообщил Вам, что среди этих людей уже в пути к месту их назначения царили группы, усугублявшие их положение; что же получится, если к этому добавятся алчность и ссоры по поводу моего и твоего?

Если я не слишком льщу себе, то того, что я привел до сих пор, достаточно, чтобы убедить Вас, что указанной Вами причины слишком мало, чтобы побудить колонистов покинуть страну.

Письмо V.
От г-на U** г-ну F**

Если же это (бедственное положение населения) видит и подданный, который ведь должен убеждаться в этом самым непосредственным образом, поскольку его это затрагивает ближе всего, если он явно замечает, что либо уже совершенно погублен, либо еще должен будет постепенно впасть в самую горькую нужду, должен будет удовлетворить своей кровью и жизнью прихоти своего князя и его недостойных прислужников: что ему делать? Самое разумное, дешевое и соответствующее его долгу средство – уехать из страны, недостойной добрых подданных, и избрать другую, где их ценят и ищут. Потому он, сколь бы неохотно это ни было, оставляет свое отечество, знакомых, друзей, удобства общественной жизни и т.д. с печалью в сердце. Он, как мудрец, выбирает из двух зол меньшее. Он предпочитает рискнуть, может ли обрести счастье, чем оставаться в стране, где безошибочно предвидит свою гибель.

Письмо VI.
От г-на F** г-ну U**

С Вашего позволения, мой господин, если использованные мной сравнения с колонистами относятся к различным ситуациям, то столь же верно и то, что их нельзя сравнивать и с одинокими Робинзонами. Простите мне, мой господин, но по Вам заметно, как порадовал Вас этот плод Вашего остроумия, насколько приглянулись Вам Карибы и каннибалы.

Однако как я могу сравнить друг с другом людей, один из которых вынужден полностью отречься от всякого человеческого общества, а другой живет в лоне своей семьи и среди своих соседей, поддержкой которых он может утешиться.

Ведь поверьте мне, мой господин, хотя я сейчас в точности не знаю, как, собственно, будут обустраиваться колонисты по месту их назначения, но все же я не могу себе представить, что в России, где сегодня мыслят так упорядоченно и разумно, могут избрать превратные средства для достижения конечной цели.

У чиновника, осознавшего преимущества освоения необжитых земель, у государственного деятеля, имеющего достаточно власти, чтобы воплотить в действительность это столь дорогостоящее предложение, могущее дать плоды только в будущем, несомненно, достанет ума и на принятие наилучших мер, чтобы завершить это дело как можно быстрее, т.е. привести колонистов в цветущее состояние, и достанет власти, чтобы энергично это реализовать.

Обдумайте-ка, мой господин, какие поразительные затраты нужны для того, чтобы найти и разослать эмиссаров, завербовать, содержать и направить через столь многие территории на отдаленные земли новых колонистов с женами и детьми. Если же там этих людей ожидает та участь, которую Вы потрудились преподнести столь трагично, то это было бы не что иное, как построить дом с намерением, чтобы он опять развалился, и какой разумный человек станет делать это; еще менее подобного можно ожидать от целого сообщества людей, наживших седины в делах.

Таким образом, необходимо, чтобы колонистскому населению было обеспечено и предоставлено не только необходимое содержание и не только еда и питье, но и всё, что относится к пропитанию и насущным нуждам человека, до тех пор, пока оно не сможет обойтись без этой поддержки, но также нужно предохранить эти новые жилища от набегов и грабежей со стороны диких и необузданных татар и калмыков.

Для достижения этой конечной цели, как мы знаем из собственного благополучного опыта, лучше всего строить эти жилища как можно ближе друг к другу, дабы суметь противостоять угрозам и набегам общими усилиями. Это необходимо независимо от того, что переселенцам предоставляются большие участки необработанной земли, что я разъяснил бы Вам очень легко, если бы об этом сейчас шла речь.

Кроме того, опасность ограбления татарами не будет столь уж ужасно велика. Известно, сколь много уважения все соседи России питают к этой державе, и как, в частности, со времен Петра Великого, татар повсеместно сделали верноподданными или, по крайней мере, держат в узде. Российские границы очень надежно защищены от всех вражеских набегов.

Правда, я не хочу утверждать, что колонии вовсе не будут подвергаться грабежу и разбою, однако это будет все же происходить редко и затрагивать лишь отдельных людей, и от этого не гарантированы и мы сами. Подумайте только, мой господин, и вам вспомнятся тысячи печальных примеров, даже если Вы не зайдете в прошлое дальше последней войны.

Местность не может показаться колонистам чужой. Климат, должно быть, окажется в Астрахани столь же умеренным, как в Германии. Обе страны расположены на одной широте от полюса. Земля плодородна и столь же мало сопоставима с засушливыми песчаными пустошами в Бранденбурге, как с громадными лесами в Нью-Джорджии, которые, тем не менее, были превращены добрыми зальцбургцами в плодородные нивы.

Поэтому я, мой господин, с достаточным основанием полагаю, что эти новые колонисты в месте их назначения столь же мало будут лишены преимуществ и удобств гражданской жизни и общества со всеми вытекающими из них благами, как наши добрые друзья на острове Фельзенбург, где Вы как-то всерьез пожелали оказаться себе.

Смешение различных народов сузит их обоюдные потребности, поскольку за счет распространения приемов и опыта каждой страны они расширят свои познания. Коль скоро эти люди уже в пути создавали отдельные группы, то можно наверняка предполагать, что на месте будут держаться сообща только такие лица и слои, которые до этого составляли одну группу, и что доверие и доброе согласие между ними будут тем прочнее, поскольку они сами выбрали друг друга, из чего возникает более долгосрочная дружба, чем сами узы, создаваемые природой.

Правда, алчность и ссоры по поводу моего и твоего не исчезнут полностью. Однако я не сомневаюсь, что этому злу можно положить определенные и четкие пределы, насколько это вообще возможно; так, эта общественная чума неизбежна и в наших благоустроенных государствах, и она, возможно, столь же стара, как сами люди, но не является специфичным злом колонистов. Я, во всяком случае, верю, что возникающие распри могут быть улажены гораздо быстрее и с большей пользой для обеих сторон, чем это происходит у нас при всей нашей законности.

Письмо X.
От г-на U** г-ну F**

Вы говорите:

«Российская корона не стала бы так сильно тратиться на создание колоний, если бы она хотела уничтожить свое собственное дело и не желала обеспечить и предоставить колонистам всё то, что относится к пропитанию и насущным нуждам человека, по крайней мере, до тех пор, пока они сами не окажутся в состоянии приобрести это».

Однако, мой господин, это имеет малое отношение к созданию новых колоний, поскольку несомненно, что при этом затраты намного превзойдут ожидаемые выгоды. Хочу более подробно высказаться о том и другом.

Когда, например, зальцбургцы отправились в Пенсильванию и Джорджию в качестве колонистов, то английское правительство точно так же должно было заботиться о становлении этой колонии. По крайней мере, я полагаю, что тогдашнее министерство финансов в Лондоне обладало таким же пониманием и рассудком, какие Вы, мой господин, предполагаете в наличии у петербургского. Я вполне уверен, что и первое использовало самые лучшие и полезные средства для достижения своей конечной цели. Тем не менее, недоставало бесконечно многого, чтобы о жителях Эбенэзера можно было утверждать даже по прошествии многих лет, что у них есть всё необходимое, что требуется для удовлетворения насущных нужд, так, как привыкли к тому мы и все наши сограждане.

Дабы это счастье выпало на долю российских колонистов, следовало бы предположить, что к их прибытию выделяемые им поля уже были освоены, дома для них построены, они были обеспечены многообразными орудиями для земледелия, для животноводства и т.д., что среди них были искусники и ремесленники, как таковые есть у нас, что и те были полностью снабжены запасами, мастерскими, орудиями и всем необходимым инвентарем, что... но мне пришлось бы написать письмо объемом с книгу, чтобы изложить Вам по отдельности все преимущества нашей гражданской и общественной жизни.

В таком случае это не были бы новые колонисты: они продолжили бы ту колонию, которую уже начали другие. Однако я никогда не слышал ни о чем ином, кроме новых колонистов.

И обдумайте, кроме того, мой господин: каких огромных затрат потребовала бы эта подготовка? Затрат, которые бы никоим образом не были компенсированы будущими доходами; и если бы даже кто-то на них пошел, то кто бы согласился обживать пустоши для других людей, поскольку заранее ясно, что таковые придется покинуть, если они будут обжиты?

Здесь можно было бы написать еще очень многое, но я боюсь, что обижу Вас, если предвосхищу Ваши собственные мысли. Короче говоря, я не могу представить себе ничего иного, кроме того, что колонисты найдут на отведенном месте необработанную пустошь, что им выделят пустые поля и луга, без жилищ, без удобств, и что они будут лишены всех удобств нашей общественной и гражданской жизни, по крайней мере, на очень долгое время, если даже сразу получат для своего обзаведения многие орудия и

многие продукты питания, т.е. всё, что по природе этого дела может сделать для них палата коммерции или коллегия, надзирающая в России за подобными заведениями.

Что касается остального содержания Вашего письма, мой господин, то Вы рассматриваете будущих колонистов как людей, которыми они должны были бы быть; мне, однако, сдается, что я могу, не будучи причисленным к человеконенавистникам, рассматривать их такими, какими они в действительности, к сожалению, являются. Нужда их никак не улучшит, она не делает людей общительными, она, напротив, делает их более дикими и угрюмыми.

Я не верю, что они будут обмениваться опытом для общего блага, или что те, которые в пути на несколько часов сколачивались в группы для достижения определенной, по большей части недоброй конечной цели, на месте своего назначения превратятся в тем более дружные общины. Того, что Вы, мой господин, злоупотребили по этому случаю словом «дружба» и утверждали, что эти люди будут связаны взаимными симпатиями друг к другу крепче, чем природа объединяет кровными узами, этого я Вам никак не могу простить. Однако я считаю, как уже предположил выше, что Вы не могли написать всё свое письмо всерьез. Тем временем я, как добрый гражданин мира, хочу пожелать новым колонистам, чтобы воплотились в жизнь все их лестные представления, большего Вы не можете требовать, мой господин! Да, как христианин я должен и молиться за них. Я хочу сделать и это, чего же Вам еще?

Письмо XII.

От г-на Р** из Н**га г-ну У**.

Согласно моим ограниченным познаниям, нужно, по-видимому, различать, кем являются те, что уезжают из страны, где они однажды постоянно проживали. Это

- а) либо зажиточные, порядочные и уважаемые мужи, которые тем или иным способом до сих пор оказывали своей отчизне полезные услуги и еще впредь могут оказывать их; либо
- б) порядочные и прилежные подданные, которые, однако же, не являются зажиточными или уважаемыми, или
- в) ничтожный, никчемный и беспутный сброд, которому всюду нечего терять.

Первая категория эмигрантов, конечно, не отправится в Россию, Испанию или далекие страны своей мечты, подобно мудрецу Биасу; они, конечно, никогда не откажутся от преимуществ общественной и гражданской жизни (от которых, как Вы, мой господин, справедливо заметили, должны отречься, во всяком случае, колонисты – по крайней мере, на очень продолжительное время) и не заруют по глупости свой талант в татарской глуши. Их умелость и знание мира подскажут им тысячу других средств продвижения вперед, в котором им отказало их отечество; и, слава богу, в Германии еще есть государства, где полезных граждан не только охотно принимают, но и куда их привлекают многими преимуществами.

Когда притеснения и грабежи со стороны испанской тирании не позволили больше жителям Антверпена долго оставаться в своем отечестве, то они выехали и привезли богатство и ремесло в Амстердам. Именно они являются теми, что

б) обычно берут с собой вторую категорию, однако те могут эмигрировать и поодиночке, примером чего нам служат зальцбургцы. Эти не знают ничего иного, кроме того, что участь человека – в поте лица есть хлеб свой; неопытные в мировых делах и непривычные смотреть в будущее, они легко рискнут отправиться в Астрахань, и могут рискнуть это тем уверенней, поскольку они в действительности ставят на кон немногое; ведь, коль скоро у них есть желание и умение трудиться, то они всюду могут обещать себе сносные доходы, если им только в какой-то мере поспособствуют, чего они могут, несомненно, ожидать в Москве.

Эти честные люди как первой, так и последней категории, столь же неохотно меняют свое отечество, которое уже так долго доставляло содержание и пропитание им и их близким, как свое вероисповедание. Однако если они предвидят явственный крах для себя и своих близких, если дурное правление затрудняет пропитание и препятствует ему, если к этому добавляется еще и пресс общественных податей или другие обстоятельства, не позволяющие им продлить их пребывание, то они – по Вашему выражению, мой господин, – как мудрецы, прибегают к меньшему злу, дабы избежать большего, но им больно, что они вынуждены считать этим большим злом свое неблагодарное отечество. И постольку, мой господин, Вы бесспорно правы.

Однако существует еще и третья категория эмигрантов. Эти, не раздумывая, покидают страну, где должны были содержать себя трудом своих рук. Привыкшие к лени и погрязшие в безделье, они рады, что подённые деньги вербовщиков позволяют им предаться бездеятельности, ставшей их второй натурой.

Они слишком простоваты, чтобы задуматься о будущем, и потому вербовщикам легко поразить их воображение пленительными картинами ожидающего их состояния, поскольку они легко верят в то, чего желают.

Если рассматривать дело в точности и в общей связи, то они вполне заслуживают своей участи. Когда они придут в места, отведенные для колоний, то нужда научит их совместным усилиями как-то способствовать благу своих соседей, тогда как до этого они, подобно хищным зверям, жили за счет усердия других людей и содержали себя попрошайничеством или обманом.

Если такие люди уезжают из страны, то вина в этом лежит не на правительстве, но ее нужно искать в самих этих эмигрантах, в их беспокойном нраве, в их лени, плоды которых они приписывают правительству, и в остальных причинах, приведенных господином F**.

Письмо XVIII.

От г-на U** г-ну P** в H**г.

Что же касается собственно Германии, то здесь не приходится так легко опасаться недостатка населения. Если мы просматриваем древнюю историю, то нас приводит в изумление, как часто война, голод и чума уносили бесконечную массу людей; тем не менее, Германия, я позволю себе это утверждать, является самой населенной страной в Европе, а возможно и во всем мире.

Поэтому в целом это (эмиграция) неощутимо, хотя некоторые эмигрируют всегда, поскольку убытие в действительности незаметно.

Со времен Карла Великого в Европе едва ли велась война, в которую немцы не были бы ввязаны или хотя бы не поставляли для нее войска.

В последние столетия зачастую находится больше немецких, чем голландских солдат и матросов на кораблях объединенных Нидерландов (а это образование и без того обязано своим существованием и состоянием целиком и полностью немцам), а списки призывников покажут, что их вооруженные силы, по меньшей мере, на две трети состоят из немцев. И сколь многие, кроме того, не отправляются в Англию, Венецию, Францию и Россию?

Однако, мой господин, когда Вы улаживали дружескую распрю между господином F. и мной, то мудро различали обстоятельства, в которых находятся выезжающие. Я следую в этом за Вами и в состоянии теперь определиться еще точнее, насколько считаю эмиграцию вредной для страны.

Итак, допустим, что из какой-либо страны, а именно из Германии, выезжают либо уважаемые и зажиточные граждане, не только имеющие столько, чтобы содержать себя и своих близких, но и доставляющие пропитание многим своим имуществом или умом, либо

во-вторых, такие граждане, которые хотя и не являются богатыми и уважаемыми, но, тем не менее, благополучно содержат себя своим прилежанием и составляют силу государства,

либо это, в-третьих, беспутные ленивые бездельники и смутьяны, которым нечего терять и которые только доставляют заботы первым.

Если же из страны уезжают лица первой категории, то это, конечно, является не добрым знаком, а, напротив, несчастным предзнаменованием предстоящего вскоре полного краха. Они рискуют слишком многим, и их отечество им слишком дорого, чтобы они могли добровольно покинуть его.

Так, об аисте говорят, что он при грозящем пожаре покидает свое гнездо не ранее, чем исчезает надежда на спасение. Сюда принадлежит, мой господин, приведенный Вами убедительный пример Антверпена.

Вред эмиграции лиц второго рода находится в тесной связи с первым, тем более, если она происходит в значительном количестве, и обычно она является ее последствием. История доставляет нам и здесь достаточно примеров, но я ограничусь самым известным, рассмотрением французских беженцев. Как много Франция потеряла от изгнания этих искусников и ремесленников, а Голландия и Германия приобрели от их приема, настолько очевидно, что в наши времена разум, наконец, возобладал над самым грубым фанатизмом и вновь открыл французским беженцам путь в отечество их предков.

Для того, чтобы воспрепятствовать эмиграции подданных этих двух видов или сделать ее более редкой, предки ввели сбор или налог с выезжающих. И хотя обычно, пожалуй, нельзя сразу прийти к выводу о разумности старого узаконения, но отсюда все же видно, что мы на опыте убедились во вреде этих эмиграций, который впредь стремились тем самым предотвратить.

Однако когда выезжает третья категория людей, то от этого никто ничего не потеряет – я отвлекаюсь от случая, когда государство является очень воинственным или устроено так, как Прусское.

Если верно изречение, которое я однажды прочел у одного – уже не помню, у какого, – духовного автора, что по сравнению с одним-единственным добродетельным

человеком не идет в счет целый ад, полный злодеев, то неоспоримо и то, что не жаль отдать всех ленивых, беспутных и мятежных граждан, если только из-за этого будет сохранен и приумножен покой остальных, прилежных и порядочно настроенных. Так пчелы душат ленивых и бесполезных трутней, дабы сохранить себе тем более богатые припасы.

Письмо XIX.
От г-на F. г-ну U**

Вы, мой господин, описали выше толпу российских колонистов совершенно точно, и из этого описания, как и из основного письма господина P**, которое Вы в том, что касается Вас, подтвердили (если мне позволительно воспользоваться этим выражением), вполне ясно вытекает, что эти колонисты состоят только из третьей породы людей, не являющихся ни зажиточными, ни уважаемыми и не обладающих волей содержать себя и своих близких трудом собственных рук, а из беспутных ленивых бездельников и смутьянов, которых не жаль отдать, лишь бы только в результате их изгнания были сохранены и укреплены спокойствие и состояние остальных членов государства. Соответственно Вы не считаете эмиграцию этих людей вредной, но, напротив, молчаливо признаёте, что она выгодна. Однако, если это так, то почему же Вы ранее так рьяно нападали на правительства большинства государств, где предпринимаются такие меры, чтобы эти словно отмершие ветви вынуждены были уступать место здоровым? Где умерщвляют трутней, чтобы пчелы сохранялись в тем большем изобилии, если я воспользуюсь Вашим сравнением? Признайте же, мой господин, что Вы не правы, что правительство невиновно и лишь приведенные мной выше причины побуждают людей покидать свое отечество.

Письмо XX.
От г-на U** г-ну F**.

Только еще одно слово о российских колонистах! Вы навязываете мне, будто я прежде описал их так, что они состоят лишь из наихудшей породы людей, – мнение, которое приветствовал и господин P**, подкрепив его своим суждением, перешедшим с моей стороны в его распоряжение (выражение, над которым Вы наверняка весело смеялись!). По Вам, мой господин, видно, что Вы юрист. Я не хочу больше ничего говорить, дабы не возбудить опасную ненависть Ваших собратьев! Однако, мой господин, не обессудьте, но я и не думал о том, в чем Вы обвиняете меня, и я удивляюсь, как Вы можете найти подобное в моих письмах. Напротив, из них можно скорее сделать вывод, что завербованные состоят большей частью из средней породы, хотя и из ее низшей ступени. Правда, возможно и то, что в Россию, Пруссию и Испанию могут завербоваться в качестве колонистов самые беспутные типы.